

НОСТАЛЬГИЯ

Как молоды мы были...

Эпоха рок-музыки в нашей хрущевке на Домостроителей началась с радиолы «Ригонда»: однажды я сквозь хрип и помехи радиоголосов услышал «Can't Buy Me Love» Beatles и был заражен ее буйной энергией; ничто не было мне созвучней этой распахнутой вольницы.

Нас было четверо ровесников в той пятиэтажке, мы еще в 6 классе поделили между собой имена мушкетеров, и один из нас навсегда остался Портосом. Была дружба навеки и первый магнитофон «Айдас», а потом появились Битлз. Нас понесло в неведомый мир, как Алису в страну чудес. Там мы записывали эти чудеса по пять рублей с диска и по трояку с кассеты. Общались с фарцовщиками, ходили в Парк живых и мертвых на толкучку — не покупать диски, а хотя бы просто поглазеть на них.

Фарцовщики казались мне членами какой-то таинственной подпольной организации, которая рассылала своих членов «рубить капусту» по всему городу и маскировала свою деятельность сложной словесной конспирацией: «я взял диск», «я сдал диск», «нам пришел последний дискочек Led Zeppelin», «давай капусту, и будет тебе последний диск Black Sabbath; новяк, муха не сидела».

Я представлял себе, как они тайно посещают штаб-квартиру фарцовщиков, сдают диски, с которых «нарубили капусту», получают новые и расписываются за них.

Став немножко своими в этом кругу и освоив сленг, мы и сами фарцевали, записывая диски знакомым по трояку. Писали со своих кассет, а клиентов убеждали, что с дисков. И восхищались находчивостью одного из фарцовщиков, который принес нам для записи диск, рассказывая, что он — новяк, муха не сидела, а диск оказался потертым, и в одном месте на нем был дефект: игла соскакивала на другую дорожку. Это брак, и цена за него должна быть меньше. Но фарцовщик сказал: спокойно, так задумано автором!

Рока и денег на него требовалось все больше, и однажды мы соблазнились шабашкой на шинном заводе. Нам сказали: разгрузите вагон с АКМ, это такие каучуковые чушки по 80 кило, получите на руки хорошую плату. Но если до конца вагон не разгрузите, то ничего не получите.

Мы обрадовались и пошли. АКМ так АКМ, а мы молодые и здоровые. Начали в десять утра, таскали и укладывали, укладывали и таскали; в полночь, когда чушек осталось мало, один из нас пошел к таксофону и позвонил домой. Выяснилось, что никто из родителей не спит: они уже не чаяли, что мы вернемся живыми.

И мы вернулись, бросив недоразгруженный угол вагона и оставшись без денег, — как партизаны из окружения, когда уцелевшие тащат раненых на плечах. Сил на ванну, чтоб отмыться от каучука, у меня не осталось. Просто упал на кровать и проспал до полудня. На следующий день все мы были инвалидами. Кто-то сказал, что нам достался очень трудоемкий каучук. Не знаю. Но зарабатывать грузчиками оказалось непросто. И жаль было, что кто-то получит деньги за наш тяжкий труд.

Диски

Новые диски, которые приносил фарцовщик, пленяли меня так же, как колониальные марки в детстве. Особенно такие, как «Demons and Wizards» Uriah Heep. Мне хотелось вдыхать запах красочных альбомов, попавших к нам будто с другой планеты, хотелось прочитать все написанное на конверте и перевести, разглядеть, как следует, фотографии и картинки. Рок повышал наши оценки на уроках английского. На дисках этих встречались иногда такие вещицы! Мне казалось, что я сам придумал их, написал музыку и аранжировки. Хорошо было и то, что смысла песен на английском я не понимал и мог по настроению наполнять эту музыку собственным смыслом.

Со временем у нас стали появляться и свои диски, они же — «пласты», они же — «альбомы». И помню горе горькое, как однажды я оставил душевный диск «Nat Trick» группы America на столе под летним солнцем, и угол его согнулся, как часы как картине Пикассо. Я пытался вып-

равить его: подогревал утюгом и оставлял на солнце под грузом, но все попытки были тщетны: погибла America. Батюшки мои! 70 рублей — считай, чья-то месячная зарплата!

Мне нравилось, оставшись одному, включить запись и, взяв в руки воображаемый микрофон, петь перед зеркалом, повторяя непонятные слова. Мне казалось, что все происходит на самом деле, зал полон и там — моя первая любовь, она тоже смотрит на меня и понимает, что я пою только для нее. За эти минуты я заплатил бы гораздо больше того, что стоила запись. Но если б кто увидел, как я кривляюсь перед зеркалом, — сгорел бы от стыда. Хотя с другой стороны, наверняка многие любители рока кривляются в одиночку перед зеркалом. А вообще мы с друзьями на полном серьезе собирались создать свою группу и обсуждали вечерами в беседе, кого еще возьмем и кому на чем играть. И втайне представляли себе, как корчится толпа, и мы на сцене, тяжелый рок, восторг девиц, невиданные одежды наши, и те шедевры, которую лично я сочиню и исполню.

Рок и жизнь

Мы мечтали: когда-нибудь у нас будет общий дом, а в нем — шикарная стереосистема и фонотека, будут красавицы-жены и общие вечера в гостиной. И не сомневались, что именно так и будет. А пока в реве рока мы бесились вокруг свечей на полу, становились первобытными дикарями (представляю, как «нравилась» эта музыка нашим соседям), а потом, потные, тихо млели в блюзе, обняв своих девушек и покачиваясь под музыку.

Все четверо после школы поступили: один в ВГУ, один в лесной, а мы с другом — в политех, и его отец, работага с мехзавода, называл этот институт благоговейно: полит-технический.

Фонотеки наши росли, и я завел себе толстый журнал, куда записывал содержание дисков, даже неизвестных. А мы росли над собой: от примитивного рок-н-ролла уходили к более сложным Yes, Genesis, King Crimson. Если где-то те пленки и сохранились, то могут и сейчас принести пользу: ими очень удобно подвязывать помидоры на дачах.

Когда Битлз распались, мы устраивали пылкие разборки, кто виноват в этом, и поклонники Леннона и Маккартни были так же непримиримы, как фанаты московского «Спартака» и киевского «Динамо». Или как поклонники Led Zeppelin и Deep Purple.

Когда-то мы с другом поспорили на ящик коньяка: я считал, что рано или поздно даже самая тяжелая рок-музыка станет легальной и в СССР, а друг был уверен, что никогда. Он проспорил, но получить выигрыш я не могу: давно уже разошлись наши пути-дорожки, и друзья мои растворились в пространстве и времени.

Теперь двое из битлов уже в царствии небесном, как и половина нашей четверки, а на живых ровесников смотреть больно: неужели и мы так состарились? И давно уже нет созвучия с теми буйными вихрями в душе, что порождали лохматые гении рока.

Где-то в кладовке хранится у меня тяжелая стопка дисков, там есть Led Zeppelin, Deep Purple, Yes, Uriah Heep, Genesis, Dire Straits и много чего еще, включая ностальгический «Белый альбом» Beatles.

Они были с нами в печали и в радости здесь, в Воронеже, и остались с нами навсегда.

Очаровательная молодая женщина в детском парке у «Арены» трепала за руку и волосы свою маленькую дочку:

— Куда ты уперлась, дрянь такая?! Что, нельзя потерпеть, пока я по телефону говорю с подружкой? Стой здесь, я сказала! Что ты реवेशь, как дура последняя? Только посмей еще раз пойти куда-нибудь без разрешения!..

Ох...

Там возле елки гуляли Дед Мороз и Снегурочка. И мои внуки немедленно проявили свои инь и янь. Сережка подошел к Деду Морозу и заговорил с ним о жизни, снял варежку и потрогал его шубу, а потом спросил: можно дотронуться до посоха? Дед не рассердился и не стал его замораживать. Наоборот, позволил трогать волшебный свой посох, о чем спрашивал и погладил по голове.

— А что у тебя в мешке? — спросил Сережка. — Подарки?

Дед Мороз ответил, что да, подарки. Но пока не главные. А главные он принесет ему в новогоднюю ночь. Тайно: в ту ночь, когда он разносит подарки, его никто из детей видеть не должен, а то волшебство потеряется.

В общем, они поладили.

Машка же даже мысли не допускала, что с Дедом Морозом можно вот так, запросто. Она спряталась за меня и смотрела на новогоднюю парочку не отрываясь. И как я ни убеждал ее подойти поближе хотя бы к Снегурочке, она так и пряталась за мной. Пример Сережки ее ничуть не убедил.

Только дома она оттаяла от новогодней заморозки и рассказывала бабушке:

— А мы Деда Мороза видели! Настоящего! И Снегурочку! Правда, я не вру — настоящие!

А Света, уже школьница, задала мне философский вопрос:

— Дедушка, а чудеса бывают? Мне один мальчишка рассказывал, что Деда Мороза никакого нет.

И я нашел ответ. Чудеса в жизни обязательно есть. Дети и сами это чувствуют, правда ведь? Просто некоторые люди, взрослея, перестают в них верить, и волшебство из их жизни уходит. Как из прохуdivшегося воздушного шарика. И это зря, потому что жизнь становится скучнее. А для тех, кто продолжает верить в чудеса, они остаются. Думаешь, взрослые не завидуют детям на Новый год? Еще как завидуют!

Я лично в чудеса верю. Вся эта малышня — сами чудо. И как же мне в них не верить, когда вот они — настоящие!

Как встретиться с Дедом Морозом

Ведь что удумала эта малышня — погодки Света, Сережа и Маша. Они в последнее время стали вдруг послушными, иногда закрывались в своей комнате и шептались; мама их даже забеспокоилась: может, заболели эти «энерджайзеры»?

Потом я обнаружил в их комнате тайник и в нем — два мотка суровой нитки, кнопки, детские ведерки с морской галькой, бублики, печенье и конфеты.

Логичных объяснений тайнику не нашлось. Я завел беседу с млад-

шей, Машуткой. Она сначала отпиралась и отводила глаза, но в них прятался «секретик». Потом вдруг заплакала и сказала, что боится за Деда Мороза.

Оказалось, что перед новогодней ночью человечки протянут бечевку возле двери и поставят ведерки с галькой; такую же сигнализацию проведут возле балкона и на подоконниках. Дед, войдя в их комнату, споткнется, ведерки загремят, человечки проснутся и, наконец-то, встретятся с ним. И узнают, как он проникает в дом, когда все закрыто, и почему им раньше не удавалось его увидеть.

Он им покажет мешок с игрушками, и они сами выберут себе подарки. Сереже, например, очень нужен радиоуправляемый бульдозер.

Свете очень хотелось погладить оленей; это для них она припрятала угощение.

Еще человечкам надо поговорить с Дедом Морозом про снеговиков и Снегурочку. Где живет она и откуда взялась, и почему снеговики носят на голове ведро; может, лучше шапку? И нельзя ли прокатиться на санях с оленями — ну хоть немножко. А еще надо выяснить, как Дед Мороз успевает всех детей обойти — может, он летать умеет?

А Маша беспокоилась, что Дед Мороз в темноте споткнется и разобьет себе что-нибудь до крови; с людьми такое бывает. Ему ж тогда йод надо. И вообще, вдруг Дед Мороз рассердится и больше никогда не придет.

Я уверил ее, что ничего плохого с Дедом Морозом не случится; он в темноте хорошо видит и никогда не спотыкается. И вы наверняка еще увидите его — например, он умеет сниться детям. Это даже интересней, чем наяву.

Мы договорились с Машей никому об этом разговоре не рассказывать и хранить нашу тайну вечно.

Волшебники изумрудных городов

Фраза классика «Всем хорошим во мне я обязан книгам» мне казалась раньше перебором, но чем больше живу, тем больше она мне кажется верной. Особенно теперь, когда выбор книг вырос на порядки, а количество читателей на такие же порядки упало.

В детстве я прожил много жизней. Началось это еще до школы. Первой книжкой была «Аты-баты, шли солдаты» (автора дети редко запоминают); какой еще могла быть первая книжка, как не про солдат, у сына молодого фронтовика, вернувшегося с войны строить на воронежской родине новую жизнь? И спасибо отцу и матери, что научили читать дошкольника.

Книжка та стала пропуском в новый мир, и потом пошло-поехало. Незнайка, сказки Андерсена, эпиграф к которым мог бы написать Блок: случайно на ноже карманном найди пылинку дальних стран, и мир опять предстанет странным, закутаным в цветной туман.

С тех пор цветной туман дальних стран был со мной всегда. И вытащить меня оттуда не могли никакие коврижки. Школьником я прожил не девять жизней, как кошка, а гораздо больше. И берет досада, что внуки мало читают книг, а предпочитают копаться в мусорке интернета. Как если б Золушке добрая фея предлагала волшебства, а она б отвечала: нет, мне под игом мачехи привычней и интересней.

Они знают гламурных блогеров и хотят быть на них похожи — нищих и убогих, но уверенных, что они чем-то богаты.

Друзья моего школьного детства — Маугли, Джим Хокинг из «Острова сокровищ», мальчишки Юрия Третьякова и капитан Сорви-голова — я с ними познакомился и подружился на всю жизнь. Мало у кого из нынешних в друзьях есть Том Сойер и Гекльберри Финн. Или адмирал-генералиссимус и его начальник штаба Евгения Титаренко. А ведь я мог бы пройти мимо и лишиться их навсегда...

Пылинки дальних стран

А сколько раз я был Ариэлем и человеком-амфибией! Возвращался бы и возвращался в тот мир, но потайная дверца закрылась. Всю жизнь я тосковал о них; даже пенсионером иногда вижу, как старый индеец бредет по берегу океана и зовет: Ихтиандр, сын мой! Но море хранит свою тайну — и душа моя сжимается до сих пор. Как и от памяти острова сокровищ. Мне до сих пор снятся буруны, разбивающиеся о скалы острова сокровищ, и хриплый голос Капитана Флинта: *пиастры! Пиастры!*

А Робинзон Крузо — я столько времени провел с ним на необитаемом острове и охотно навестил бы его еще раз. И нам было бы о чем поговорить. Он жил на необитаемом острове долго, но лишь один раз, а я бывал там неоднократно.

Мальчишки нашего двора поделили между собой имена мушкетеров, придуманные человеком из другой страны и другого времени. Но они стали нашими, и один из нас на всю жизнь оставался Портосом. Вряд ли нынешние мальчишки переживают приключения и судьбы д'Артаньяна, Атоса, Арамиса и Портоса; они — другие, неведомые. Мой нынешний друг как-то посетовал, что внук его не желает не только сам читать книжки, но даже чтоб ему их читали. Категорически! И чем полны их души, можно только догадываться. Так что помочь им мудростью прежних поколений будет трудно. Наши книги с их миром почти не пересекаются и отходят, помолясь, в мир иной.

А мы передавали друг другу томики Виктора Гюго, Вальтера Скотта, Майн Рида, Фенимора Купера и Джека Лондона. Их добывали на короткий срок и строго его соблюдали — чтоб не перекрелся ручеек из заветных книг. По ночам читали, прячась от родителей с фонариком под одеялом. Нас делали людьми не гламурные подонки, а благородный рыцарь Айвенго и Верная Рука, друг индейцев — много было в нашей жизни настоящих, а не голливудских героев! Они бессмертны и остались в том же возрасте, а мы выросли, и друзей прибавлялось.

А Сетон Томпсон? Забыли Сетона Томпсона! Но как жить человеку без его уникальной душевности ко всему живому? Кто читал Сетона Томпсона, тот зверье, как братьев наших меньших, никогда не бьет по голове. Как, впрочем, и тот, кто читал «Белый клык» Джека Лондона или книги Джеймса Хэрриота.

Хемингуэй и тайная комната

К концу школы кто-то из наших родителей сумел подписаться на многотомник «Антология современной фантастики», другие — на 8-томник Конан Дойля, а мои отхватили собрание сочинений Герберта Уэллса.

С тех пор я испытываю такую неприязнь к голливудским экранизациям «Человека-невидимки», что даже кушать не могу: за что они превратили сложного героя-одиночку в обыкновенного уголовника?

А «Антология» та была богаче любого Клондайка (извини, дорогой Джек Лондон) — бездна жизни, мыслей, чувств и сюжетов. Они оставили свои следы в душе, хранятся где-то в ее закоулках, но иногда вдруг всплывают — и всегда только с самыми добрыми чувствами. «Антология» эта сработала таким камертоном, что я и сам стал писать фантастические рассказы. Хорошо, что они не сохранились: я понял, что настоящие писатели культурой повыше будут, и надо их догонять.

А Вильям Сароян! Кто знает Вильяма Сарояна? А ведь это — самый неунывающий писатель всех времен и народов. Оптимистичней даже Джерома К. Джерома — а уж тот умеет порадовать читателей смешными неожиданностями. Сароян мог бы стать знаменем всех оптимистов и проводником к смыслу жизни, к которому брести с ним — одно удовольствие. При этом никакой поучительности. Просто душа этого Вильяма такая детская и ясная, что дружить с ним — это как «подарок — в студию!».

Но кому нужен Сароян, если житейскую мудрость армия мальчиков и девочек хлебает из блога Ольги Бузовой, самой знаменитой девушки России.

Да знаю я ваш интернет — каждый день с ним работаю. Но никогда не давал он мне такого буйства глаз и половодья чувств, как «Снегурочка» Кира Булычева, «В Париже» Бунина или «Дуэль» Куприна. Жаль, но никакой газеты не хватит перечислить все жемчужины, инкрустировавшие мою жизнь.

А Хемингуэй — «Прощай, оружие!», «Снега Килиманджаро», «Недолгое счастье Фрэнсиса Макомбера» — и все это не про войну или охотников, а про мечту мужчины о женщине; его «Убийцы» до сих пор где-то неподалеку, я чувствую их дыхание спиной и поражаюсь силе простых слов. Хемингуэй когда-то был Папой Хэмом, и портрет его — в свитере, а не в галстуке — висел в домах романтиков всей планеты; ныне в комнатах успешных людей висят в галстуках совсем другие герои нашего времени. А Дедом Хемингуэй не стал; эпоха романтиков закончилась.

Ой, нет. Невозможно все жизни перечислить. Их так много, и так жаль обитателей всемирной мусорки интернета, лишенных книжных сокровищ. Мало кто желает услышать слова Хорхе Луиса Борхеса: «Мне всегда казалось, что рай — своего рода библиотека». Не говоря уж о том, чтоб понять смысл этой фразы.

Эх, «Остров сокровищ»! Я б и еще раз эту книгу почитал, но бумажной у меня нет, а читать в сети не хочется: там нет запаха бумаги, шелеста страниц и фонарика под одеялом — моей тайной комнаты удивительных приключений и чувств.

КАК Я БЫЛ РЕРАЙТЕРОМ

— Я не бездомный! Я живу в воздушном замке.

Владимир Семенов

Нехорошее слово — рерайтер. Вроде халтурщика или шабашника. Но однажды мне довелось им стать. Началось все с того, что знакомая москвичка в один прекрасный июльский день прислала письмо:

«Я к Вам с предложением. На Первом канале снимаются многосерийные фильмы. Почти одновременно с выходом их в эфир будут выпущены книги. Но чтобы это не были голые диалоги с картинками, решили “литературизировать” сценарий фильма “Диверсант” — так,

чтобы это хорошо читалось в книге. Я уверена, что Вы могли бы сделать этот материал качественной прозой. Работы много. Книжка должна быть готова к осени. Деньги пока точно не известны. Но телевидение — богатая контора».

Наш семейный бюджет в то время просил каши, и предложение поступило ну очень кстати. Тем более, центральное телевидение — «кто в этот мир попал, навеки счастлив стал!». Книжку выпустит очень солидное издательство, и это давало шанс попасть ему на глаза со своими рассказами. А там — чем черт не шутит: начнут и мои книжки издавать... Очень хотелось и богатства, и славы, и перед сном приходила даже мысль о поездке в Осло на церемонию вручения Нобелевской премии — прямо по афоризму Семенова: нас, гениев, — всего один на свете...

Однако сначала надо было пройти отборочный тур: продюсер фильма требовал от претендентов прислать ему пробные тексты, а уж он выберет из них лучшего.

Когда б вы знали, из какого сора...

Для начала я скачал из интернета первоисточник — роман Анатолия Азольского «Диверсант». Одновременно мне прислали сценарий, и его тоже надо было читать. Непроясненным оставался вопрос о гонораре, и это сбивало мою пылкую готовность продемонстрировать миру свои таланты.

Начало романа показалось мне посредственным, я послал его по мэйлу другу, и он вскоре прислал свою оценку: какую ж фигню у нас экранизируют! Читать роман он дальше не стал, а мне было некуда деваться, и я добросовестно принялся его штудировать. И вскоре начал чувствовать себя героем Джека Лондона, который достиг цели в мире белого безмолвия: мне достался участок буйной и девственной природы, полный золотых слитков великой прозы.

До сих пор самым «родным» в мировой литературе о войне для меня был роман «Прощай, оружие!» Хемингуэя, и я был уверен, что никакие открытия в этой теме меня не ждет. По «Диверсанту» Азольского я брел, проглатывая посредственные страницы и регулярно натыкался на отрывки какой-то потрясающей, безумной гениальности, от которых я просто задыхался. Они латали пустоты, оставленные в моей душе прежними писателями, я так и прожил бы всю жизнь с этими пустотами — что ж делать, если некому их заполнить, — но вот появился Азольский и переполнил меня смесью первобытных инстинктов, неожиданного юмора и детской наивности Лени Филатова, мальчика-убийцы, ставшего диверсантом. Он напоминал Жана Рено и его «Леона», у них даже имена похожи, только герой фильма был зрелым и наивным, а мой Леня — наивным и юным.

Тем летом я всех достал разговорами о великом и ужасном «Диверсанте» — жену, детей, знакомых, коллег; на работе или в гостях за рюмкой чаю самые разные темы заставляли меня вспомнить роман Азольского и золотые его россыпи и вставлять его лыко в любую строку.

Ну, хватит, говорила жена, успокойся, вот дался тебе этот «Диверсант»... И, как блаженного, гладила по руке. Но разве мог я не похвалиться найденными самородками — главным за последние годы приобретением в жизни! «Я вижу, вы ни о чем другом и говорить не можете» — ну да, это про меня.

Всю душу он перевернул мне, этот Азольский. И я часами не мог заснуть, переживая судьбу диверсантов, особенно послевоенную. Был бы женщиной — наверняка всю подушку бы исплакал от безысходной несправедливости и бездны странствий, чем-то напоминавших «Человека-амфибию» Беляева или «Одиссею капитана Блада» Сабатини.

За ценою постоим

Потом я прочитал сценарий. Автором его был один из мэтров отечественного кинематографа. Фильмы по его сценариям знакомы всем в нашей стране — как прошлой, так и нынешней; перечислять их — места в газете не хватит. Хотя фамилии сценаристов вряд ли известны населению так же, как актеров тех же фильмов. Ничего не поделаешь: те, кто движет звезды и светила, остаются в тени...

Чтение сценария стало рутиной — он был «по мотивам» романа. Участок этот находился не на Клондайке, был размечен и обработан, как положено, но никакого буйства глаз, половодья чувств и самородков здесь не было. Ну, сюжет закручен, ну, герои самобытные... Наверное, в сценарии трудно сохранить душу оригинала. Хотя во многих прежних фильмах этого сценариста душа была.

В пылу я написал знакомой, что теоретически лучше всего было бы переписать сам роман, почистив рутину и сохранив нетронутыми джунгли и самородки. Но она ответила, что продюсерам Первого книжка Азольского не понравилась, а то, что с ней сделал сценарист, — очень даже. И надо, чтоб киноповесть соответствовала фильму, так что перерабатывать первоисточник не стоит. Рейтинги сериала высокие, и они надеются на хорошие продажи книги. Первый пакет серий «Диверсанта» уже прошел в эфире, теперь продается на дисках. А когда начнут показ второго, тут же надо выпустить книжку — с цветными фото из фильма и небольшими штриховыми рисуночками, очень симпатичными...

Следом пришло еще письмо: «У издателей опять все меняется; они думают издавать и первые серии тоже (4 штуки). Это значит, что работы у Вас прибавятся, если они выберут Вас как автора».

А у меня странный вопрос возник: почему сам мэтр не стал переводить в прозу свой же сценарий? Ответ: «По разговорам я поняла, что он очень занят, и переделывать уже сделанный им же материал ему не слишком интересно. Главное сейчас — сделать книжку в расчете на среднего читателя и среднего зрителя, который видел первого “Диверсанта”, и его зацепит второй. А значит, и книга».

Ну, жить по интересу — заслуженное право мэтров.

В августе у издателя опять возникли сомнения. Во-первых, его удивлял сам ход материала: от Азольского через сценаристов к новеллизаторам. Во-вторых, непонятно, когда выйдет сериал, а ведь выход книги планируют одновременно с началом показа, и времени может оказаться совсем мало. В-третьих, неизвестно, кто будет читать про Вторую мировую... И, в-четвертых, как бы авторский гонорар не получился больше, чем книга может принести издательству!

Они предложили \$1000–1500 аванса за планируемые 400–500 страниц плюс пять процентов с каждого проданного экземпляра. Это называется «роялти» или что-то в этом роде. Цена книжки планировалась 80 рублей при тираже 5–10 тысяч.

Получалось вот что: аванс \$1000–1500 — это за срочную и большую

работу (12 серий надо «перегнать в прозу» за два месяца), а процент с продаж выглядел эфемерным. Да и кто их, продажи эти, проконтролирует? К тому же на два месяца надо было бросить свою штатную работу в газете, и редакции это явно не понравится.

Я начал письменно ныть знакомой про эту эфемерность и даже написал: жаль, если ничего не сложится.

Но издательствогнуло свое: гонорар плюс «роялти».

Я поставил крест на рерайтерстве и написал, что вынужден отказаться. Тем более, что сценарий второй части ушел далеко от романа, послевоенное действие которого, особенно меня восхитившее, вообще накрылось медным тазом, и к нему уже не лепились даже слова «по мотивам». Эта часть сценария практически не имела отношения к Азольскому и вызывала у меня раздражение своими голливудскими штучками — эффективно при наличии полного отсутствия души и смысла жизни.

Напоследок я робко и нагло поинтересовался: а не найдется ли для меня штатной работы на ТВ?

Мне ответили, что на канале сотни людей работают по договорам «на проектах», без перспектив на штат. Со стороны канала никаких обязательств, часто даже на письма не отвечают — просто нет времени.

Набрать с три короба

«Издательница страшно расстроилась, узнав, что Вы отказались. Ваш текст “Диверсанта” ей очень понравился. Готова пойти на уступки. Раз Вы отказываетесь от роялти, она может увеличить гонорар. Цифру пока не называет. Понимаю, что Вас достал этот торг, и все же... Узнав, что вы отказываетесь от “Диверсанта”, они предлагают Вам Колчака. Эта работа еще больше и, пожалуй, труднее. Из двух сценариев (художественного фильма и сериала) надо сделать настоящий роман — возможно, с некоторым женским уклоном. Сроки — до начала ноября. Объемы большие. Деньги пока не знаю. Вам это интересно? Могу выслать серию».

Потом издательство предложило за киноповесть \$3000 плюс Колчак. Я согласился и на гонорар, и кинороман сварганить «с женским уклоном»; это ничего, Колчак — куда ж он без любовной лирики... Главное — семейному бюджету светила стабильность.

Я подписал присланные договоры и выпал из жизни. От зари до зари сидел и стучал по «клаве», как дятел. Или как грузчик. Даже потерял время — какой у нас сегодня, братцы, месяц на дворе?..

В киноповесть я затолкал как можно больше самородков из романа. Военная часть киноповести получилась просто переполненной ими, а послевоенная — так себе, и лучшим комплиментом для нее стало бы выражение «добротная халтурка».

В середине сентября я отправил повесть в Москву, и там она пошла по рукам продюсеров, издательства, сценариста и каких-то неизвестных мне людей. Знакомой я написал, что теперь буду в снах видеть мэтра и бояться: на его месте я б очень ревниво отнесся к человеку, перелопатившему мой труд.

Вскоре мне сообщили: мэтр прочитал повесть (и мою хитрость с самородками раскусил). В целом нормально. Но — «автор заимствует иногда фразы и куски напрямую из Азольского, причем в тех частях, которые в сценарий не вошли... Текст Азольского трогать нельзя! Нужно убрать эти куски. Только сценарий».

Это меня очень огорчило. Я немало поныл — уж очень жаль было менять золото Азольского на гонорар. А нельзя ли, например, переделать их до неузнаваемости и оставить?

Нет, нельзя.

Пришлось себя смирить, становясь на горло песне Азольского, и все гениальное вырезать с мясом и кровью. Потом уже я встретил в интернете гадкий отзыв на киноповесть «Диверсант»: мол, какой-то графоманишка бодро перевел добро Азольского на г... Ничего не поделаешь, отзыв был верен.

Октябрь уж наступал, а я так и не знал, одобрили мою работу или нет. Да и денежки пора бы получить. А то мало ли — пахал-пахал...

Еще меня попросили написать аннотацию к фильму, и я в муках ее написал. Заодно послал в издательство стопку рассказов. Мне ответили, что эта проза — не совсем их, они издают, в основном, мемуары, биографии... И Акунина, конечно. Но посмотрят.

«Гонорар перечислили. Это хорошая новость. Есть новость не очень: внутри книги Вы будете упомянуты, и не раз, но без значка (с) — копирайта. То есть, этот пункт есть в Вашем договоре с издательством, но Дирекция кино считает, что это незаконно... То есть, раз Вы передали все права, так и все, без значка. Надеюсь, Вас это не сильно огорчит. Работу Вы сделали хорошо, сдали даже раньше, чем облегчили издательству работу: сериал планируется на конец ноября, с 15го — промо-ролики; книгу успевают напечатать едва-едва под сериал... Словом, все в порядке. Приезжайте за книжкой».

Ой, ну вот буковка (с) волновала меня в последнюю очередь! Было б чего копирайтить...

Там что-то черненькое белеется

После этого я съездил в столицу и получил в издательстве авторские экземпляры «Диверсанта» (и с тех пор этот увесистый том не открывал ни разу), там же получил авторский экземпляр сборника «Антология любви», в который включили мой рассказ (и девушки в издательстве вогнали меня в краску, назвав его лучшим в книге); он вообще-то был совсем на другую тему, но это ж не моя проблема. Главным для меня в сборнике было лестное соседство: Светлана Алексиевич, Людмила Улицкая, Эдуард Лимонов, Алла Боссарт, Виктор Ерофеев, Захар Прилепин, Анна Политковская...

Потом я получил от издательства письмо: «А не замахнуться ли нам (Вам) на Колчака нашего Александра Васильевича? Делать — то же, новеллизацию. Попробуете?». Письму особенно рада была жена в смысле семейного бюджета.

Я тут же ответил: конечно, отчего ж не замахнуться! Тем более, что мой давний приятель, редактор «Воронежского курьера» и краевед Дима Дьяков, обещал снабдить меня кучей архивного материала по Колчаку.

И получил ответ: «Тогда давайте попробуем. Шлю Вам сценарий (автор — тот же). На сей раз это полнометражный художественный фильм. Премьеру планируют на май. Значит, книга должна быть готова уже в апреле. Если Вас утвердят, работать придется часть ноября, декабрь и январь. Пока же “объявлен тендер”... История та же: перевод сценария в прозу. Но, в отличие от “Диверсанта”, Колчак — историческая фигура, тут очень важно не ошибаться в фактуре. Книг о Колчаке много: биогра-

фия, протоколы допросов, переписка с Тимиревой — эта линия, кстати, очень важна. Ну что, напишете несколько пробных сцен из любой части сценария?».

И тут же возникли проблемы. Издательство опасалось: когда в прокат выйдет фильм, а потом — сериал, народ кинется читать не кинороман, а историческую литературу, документальную... А на рынке сейчас — десятки книг о Колчаке. Хотя продюсеры уверены: пока кино идет, продается все, и успех книжки, да еще с фотографиями из фильма, гарантирован. Тем более, что Колчака такой актер играет — мачо и душка Хабенский!

«Ближайшие 2–3 недели все будут смотреть, как продается книжка по “Диверсанту”. Сериал пустят в эфир раньше, чем собирались; тут Дирекция кино подвела издательство... Тираж — 5 тысяч, осторожный. Посмотрят по продажам за неделю, может, допечатают еще столько же. Для новеллизаций это обычная цифра. Правда, у “9 роты” было 15–20 тысяч... Главное, чтоб издательство что-то заработало на книжке, иначе оно откажется от будущих проектов».

А я, замахнувшись, сел за Колчака. Прочитал. Вжился. Написал. Отправил.

Как сел, так и встал. Издательство не стало связываться с адмиралом — слишком уж много его на рынке.

На том и закончилось мое рерайтерство. И — полная тишина, напоминавшая фильм «Начало» и переживания героини Чуриковой: а что, на меня заявок нет? Странно... Странно!

Ну и ладно.

ОЧЕНЬ ЛИЧНОЕ

Развод

Я не помню, как выглядел мой отец. В семейном альбоме не осталось его фотографий, мама выбросила их или вырезала его в тех, что оставила.

Он где-то здесь, недалеко, километр или сто — неважно, он рядом, но будто в параллельном мире, который с моим никогда уже не пересечется.

Мое детство разделено пополам — до его ухода и после. Отец учил меня бегать, падать, подтягиваться на турнике, не реветь. По вечерам мы ходили на школьное поле недалеко от дома, и там отец гонял меня. Он специально купил секундомер — волшебный прибор, который мог останавливать и запускать время. В горячую минуту мама разбила его, а отец, крикнув: «Ну и черт с ним!», выкинул разбитый секундомер с балкона. Я долго потом искал его, но не нашел.

Не знаю, что не сложилось в их семейной жизни. Ссорясь, они запирали дверь на кухню и что-то выясняли, выясняли — до слез, до крика. Когда мама начинала плакать, я садился на подоконник и смотрел на улицу, стараясь не слышать их; делать мне ничего не хотелось и играть тоже. А мой младший брат Андрейка от их ссоры прятался: он уходил в спальню, забирался там в шкаф или под кровать и делал вид, что это у него такая игра. А я злился, что он не пойдет на кухню и не помирит их как-нибудь — он еще маленький, ему можно и расплакаться.

Несколько раз отец собирал чемодан. Мама сидела на кухне и плакала или ходила по комнатам, вытирала пыль, поправляла книги в шкафу. Собравшись, отец выходил в коридор, и мама шла за ним, чтоб закрыть дверь. Отец щелкал замком, но не уходил, хотя дверь уже была открыта. Потом в коридоре начинался тихий и долгий разговор, почти не делимый

на голоса. Наверное, им легче было договориться у двери, понизив голос, чтоб не слышали соседи. И отец возвращался. Ни разу не достигал меня звук захлопнувшейся за ним двери.

И вот однажды он пришел с работы, и мама позвала его ужинать. Кухня была открыта, когда они снова начали ругаться.

— Я не могу, я не могу! — закричала вдруг мама.

Кто-то из них хлопнул дверью — так, что чуть стекло не вылетело. Андрейка сидел на полу и строил дом из кубиков, сопел и будто не слышал их. Но я знал, что он слышит: в другое время он иногда повторял слова, которые доносились из кухни.

Они кричали долго, а потом отец вышел и снова стал собирать свой чемодан. Только на этот раз что-то было не так. Я забрался на подоконник — думал, он снова спасет меня. Мне было не по себе, будто оказался я один в лесу — была у нас книжка сказок, в которой одна картинка, с домом бабы Яги, чащей и совами, иногда снилась мне, а раньше так и вообще доводила до слез.

Андрейка незаметно перебрался с кубиками в спальню. Отец подошел, погладил меня по голове и что-то сказал, а голос его был чужим. Я увидел на лице его слезы, и все во мне замерло, потому что в моей жизни он никогда не плакал, а, наоборот, только командовал: не реви, ты мужчина! Ушибся я или устал — он только щелкал секундомером и покрикивал: давай! Через не могу! Ты мужчина!

И еще он читал мне книги. Некоторые детские книжки с большими буквами я мог и сам читать, но учиться дальше не хотел: ведь тогда отец не будет читать их мне.

Отец открыл дверь, но мама не пошла за ним в этот раз. Она сидела на кухне и тихо причитала. Дверь хлопнула. Я помчался в коридор и в глазок увидел, как отец, опустив голову, медленно спускается с чемоданом по ступенькам. А мама все сидела на кухне, и я увидел через стекло, как она уткнулась лицом в руки и качала головой.

Я побежал в спальню, схватил Андрейку под мышки, поднял его и сказал:

— Быстрее! Он ушел! Иди скажи ей, чтоб догнала его!

А он опять сел на пол и стал складывать свой домик. Даже не заревел — как будто его никто не трогал.

— Иди! — крикнул я. — А то знаешь, что тебе будет?

Но он только сопел.

— Я... я все кубики твои повыбрасываю! И самолет сломаю. Хуже будет!

У него начали кривиться губы. Отец, наверное, уже вышел из подъезда, а он все готовился зареветь.

— Иди, дурак! — крикнул я. — А то я тебя пугать буду по ночам! Заснешь, а я стану привидением или превращусь в мертвеца! А на улице я тебе, знаешь, что сделаю? Я тебя в яму спихну!

Он заревел, и лицо его стало отвратительным — без глаз, только огромный рот, десны и слюни. В спальню прибежала мама.

— Что ты, маленький мой? — запричитала она и обняла Андрейку. Хотела и меня обнять, но я вырвался и закричал:

— Догони его! Я не буду с тобой жить! Догони!

— Родненький мой, — сказала она, — родненький...

— Я убегу отсюда! — крикнул я. — Из этого проклятого дома!

Я ринулся в другую комнату, распахнул шкаф и стал искать какую-

нибуду отцову вещь, а потом увидел на серванте старую механическую бритву и схватил ее. Я выскочил в подъезд, прыгал по лестнице и боялся, что больше не увижу его. Но он не успел исчезнуть. Я почти догнал его под аркой и закричал:

— Подожди, пап! Ты забыл!..

Он остановился, но на меня не смотрел. Слез на его лице уже не было. Он присел, расстегнул чемодан и запихнул туда бритву. Потом поднялся, сунув руку в карман. Он стоял так долго и смотрел куда-то в сторону.

— Ну, вот, малыш, — сказал он. — Вот и кончилось все.

Я хотел сказать ему, что он наверняка забыл дома что-нибудь очень нужное и надо бы вернуться, проверить. Но не смог ничего выговорить.

— Хочешь, — сказал он, — я постараюсь сделать так, чтоб ты жил со мной?

— Да, — сказал я.

Но потом вспомнил про маму и Андрейку и сказал:

— Нет, лучше ты живи со мной. Живи со мной, пап...

И я заревел. Я не хотел этого, мне казалось, что если я зареву, значит, вся его наука пошла прахом, и он уже не вернется, но ничего не мог с собой поделаться. И он не вернулся. Только поднял меня на руки и даже не поцеловал — просто обнял, подержал и опустил.

— Пока, малыш, — сказал отец. — Будь мужчиной. Пока.

И ушел.

Я сидел в подъезде на корточках и не знал, что теперь будет. А потом кто-то хлопнул дверью и стал спускаться по лестнице, и я выскочил на улицу. У меня больше не было повода догонять его, но я бежал изо всех сил.

И не догнал. На остановке его уже не было.

Так и закончился тот давний день.

Было, правда, однажды еще кое-что. Однажды мама с Андрейкой куда-то ушли, а я решил устроить уборку в кладовке. И в мешке со старой обувью нашел отцовы туфли. Мне повезло: они не потерялись, их не выбросила мама; я стоял с мокрой тряпкой и с засученными рукавами и разглядывал их. Туфли были потрескавшиеся, со стертými каблукками. Я вытащил из них комки газет и сел на пол. Что-то писали газеты в те давние времена, когда у меня был отец... Внутри туфель пахло кожей, пылью и почему-то мышами, хотя мышей у нас никогда не водилось. Да и не знал я, как пахнут мыши.

Я был еще совсем маленьким, когда отец носил эти туфли. Может, только учился ходить. Мы топали рядом — я в своих ботиночках, которых давно уже нет, и отец в этих туфлях.

Когда мама с Андрейкой вернулись, я растерялся и никак не мог сообразить, куда спрятать туфли. Запихнул обратно газетные клочки и спрятал туфли под кровать. А вечером на пустыре мальчишки жгли костер, и я сжег в нем эти туфли, и теперь отец мой уже не мог вернуться. Он где-то недалеко, но его мир уже никогда не пересечется с моим, он стал чужим, и это навсегда, во веки веков, аминь...

Как это будет

Не будет мелких и тяжелых болезней, никаких агоний, уток, мерзких запахов по всей квартире, пузырьков и таблеток на столике у постели, подгузников, покорной вежливости взрослых сына и дочери, у которых свои семьи и проблемы, и их разговоров шепотом в соседней комнате.

Я помню, как в доме друга моего детства жила парализованная его тетка, и липкий страх перед ее пещеркой, отгороженной шкафом. Или другой старик из чьей-то жизни: за ним ухаживали, как за младенцем, а он называл родных чужими именами из своей рассыхающейся памяти и все порывался уехать в деревню своего детства — в трико и тапках. Седая щетина, трясущиеся пальцы и колени, слюна на подбородке и, конечно, запахи; это длилось долго, и его дочь с мужем не могли куда-нибудь сходить надолго или гостей пригласить; разве что мальчишка забежит к внуку и постарается поскорее удрать от могильной ауры на воздух.

Нет, все будет иначе. Вот как.

Я пришел с четырьмя своими внуками-погодками купаться, и почему-то оказались мы на берегу речки моего детства. Малышня сначала бросала в воду кусочки булки, и стайки рыбок устраивали им пляски, а потом с криками и визгом плескалась в девственной воде, а я сидел на небольшом обрыве над пляжем, пропитываясь движением родной реки в обрамлении камыша, кувшинок и лилий и древним лесом на другом берегу.

Вдруг я почувствовал кресло под собой и плед на коленях, а цвет воды и неба странно изменился. Я догадался, в чем дело, и подумал, что, если б не было внуков, рядом мог бы соткаться из воздуха столик, рюмка коньяка и последняя сигарета.

Страх не было. Я позвал малышню, и вскоре они собрались возле кресла. Мне пора, ребята, сказал я. Зовут туда — и показал пальцем вверх.

Света, старшая, сразу все поняла и растерялась. А мальчишки удивились, что это за кресло, и откуда оно взялось. Никита залез под него и стал щипать мою ногу, изображая щенка, Сережка забрался ко мне на колени и сказал:

— Пошли с нами купаться! Знаешь, как классно!

А младшая, Машутка, насупила и спряталась за кресло, и я не знал, поняла она или нет.

— Я не хочу, — сказала Света. — Нет. Мы тебя не отпускаем.

— Светочка, фея моя мультяшная, это от нас не зависит. Все решено, и теперь мы встретимся уже там.

Она смотрела вверх и молчала.

— Там нас любят, — сказал я. — Все хорошо. Идите купайтесь.

— Нет, я тебя не пущу. Пусть там подождут.

— Не обсуждается! — нахмурился я. — Все, идите. Мне приятно будет напоследок посмотреть на вас радостных. Нечего здесь толпиться. Ты старшая, уведи своих братишек и сестру.

Я оглянулся на младшую. Маша сказала твердо:

— Я с дедушкой. Нет, я с дедушкой.

Она отвернулась, и плечики ее чуть вздрагивали.

— Маша! — прикрикнула на нее Света. — Не мешай дедушке, ему и так тяжело. Пошли купаться!

— Нет, Свет, не тяжело, — возразил я. — Могло быть в тысячу раз хуже. А мне вот с комфортом.

— Ты хороший, деда, — сказал Сережка и погладил меня по руке.

А Никита спросил:

— Дедушка, а ты нас собой возьмешь?

— Нет, малыш, у вас целая жизнь впереди, огромная. Это ж интересно! Знаешь, сколько всего у вас будет? Рано вам туда. А мне пришла пора пойти вперед, и потом я вас там встречу. Как на разведку.

— Долго слишком, — сказал Никита. — Мы тоже хотим. На разведку.

— Да ну, долго! Не успеешь оглянуться. Раз — и ты уже взрослый. Два — и у тебя уже свои детишки. Три — ты уже дедушка. Просто сейчас у вас время медленное. Я же помню: в детстве за один день столько всего происходит! Ваш день — он как неделя у взрослых. А то и месяц.

— Целый месяц? Ого! — сказал Сережка.

— Да. Так вот, я вам напоследок дам один завет, а вы его запомните. Хорошо?

— Да, — сказала Света. — А что такое завет?

— Ну, это как главное правило в жизни. Будете его исполнять, и все у вас будет хорошо. Самое важное, конечно, — поступать с другими так, как хотите, чтоб поступали с вами. Всегда! Все, что вы делаете, непременно вам возвращается — и хорошее, и плохое. Никому не известно, когда и откуда, но возвращается обязательно. А второе вот что. Когда вы станете большими, и у вас будут свои дети, поласковее с ними. А то взрослые вечно заняты своими проблемами, а детские кажутся им глупостями и пустяками. Они ошибаются.

Все четверо слушали молча, хотя энергии у каждого — на электростанцию хватит.

— На самом деле, — сказал я, — дети — это ангелы. Души у них чистые. Они легко прощают обиды, всегда готовы к игре и радости, а знакомятся легко: тебя как зовут? Света. А меня Таня. Давай с тобой дружить! Давай. И дружат. Все так просто! А у взрослых все с трудом. Хотя они всю жизнь с удовольствием вспоминают детство. Но и вы тоже станете меняться, из радостных и беззаботных будете становиться сердитыми и озобоченными...

— Как папа?

— Ну, отчасти. Он же не всегда сердит. Так вот, некоторые взрослые со временем понимают, что дружба с детишками важнее их работы и прочих хлопот, из-за чего они слишком много переживают. Правда, бывает уже поздно. Поэтому — запомните, дорогие мои: когда станете мамами и папами, дружите с ними, ладно?

— Как вы с бабушкой?

— Ну мы тоже не ангелы. Устаем, болеем, раздражаемся иногда. Но вы для нас — самое главное в жизни. Ну, запомните про бумеранг?

— Что такое бумеранг? — спросил Никита.

— Это такое оружие у аборигенов, которое бросают в дичь, и оно возвращается к ним. Стоп! Не надо спрашивать про аборигенов, Сереж, а то мы до вечера будем разговаривать. А меня ждут. Все, дорогая моя малышня, идите купаться. Иди, Машутка, иди. Все будет хорошо. Или ты больше не веришь деду?

Маша стала спускаться к речке, опустив голову. Она не оборачивалась. Света взяла мальчишек за руки, и они тоже пошли по крутой тропинке вниз. Сережка вырвался и побежал по склону, рискуя шмякнуться. Уже внизу Света обернулась и, улыбаясь, стала махать мне рукой. Мальчишки тоже махали, радостно подпрыгивая, и кричали:

— Пока, деда, пока!

А дальше... Дальше я расту и растворюсь, стану влажным и невесомым и буду плыть все выше, к облакам. Надо же, столько раз мне мечталось поплавать среди этих бесплотных айсбергов, и вот — сбылось. Это будет покой и блаженство, и только легкое беспокойство останется во мне,

оно копится без мыслей и сожалений, и, когда станет невмоготу, я прольюсь с дождем на уютную землю, на траву, на теплый асфальт, и малыш моя побежит по лужам босиком, шлепая и брызгая, и никто не догадается, что я — здесь.

В ПАМЯТЬ О ВОРОНЕЖСКОМ ДИОГЕНЕ

Давидович умер, и больше в Воронеже такого нет и не предвидится.

Умер не от скромности, и называл себя гением афоризмов; поклонники тоже его так называли. Включая журналистов, писателей и госслужащих разного масштаба. Осталось пройти проверку этой гениальности временем, и есть ощущение, что оно сотрет фамилии нынешних знаменитостей, а над именем Давидовича задумается, улыбнется и стирать не станет.

Некоторые называли его шутком, но если он таковым и был, то на уровне шута короля Лира. Еще называли шутком гороховым, но это уж совсем от зависти или несварения желудка и без малейшего чувства юмора на лице. Хотя все основания для этого Давидович давал — своей одеждой, убогим бытом и даже прической, которые на самом деле мало его волновали. Потому что отношение его к смыслу жизни было совсем иным, чем у всех, кто видел его еще там, в СССР, возле кафе «Россиянка» на проспекте Революции, который молодежь называла тогда Бродвеем. Или Бродом. Одевшиеся шутами «два графа девушек прельщали» — Давидович и Котенко. Девушек обволакивало волной двойной гениальности, и противиться ей им было трудно. Еще бы — их увлекал беседою автор журнала «Крокодил», газеты «Правда» и мало сочетающейся с ней «Литературки», а также такого количества опубликованных афоризмов на федеральном и международном уровне, какого не устаивались самые мировые знаменитости этого жанра, даже якобы непревзойденный Станислав Ежи Лец. А еще Давидович знал: *«Любовь — видеть то, чего никто не замечает, и не замечать того, что видят все»*.

Не зря известный карикатурист Андрей Бильжо говорил, что Давидович знает про жизнь что-то, о чем мы, остальные, и не догадываемся. Возможно, Андрею удалось заглянуть в потайную комнату гения афоризмов. А те, кому заглянуть не удалось, отвергли все попытки Давидовича вступить в Союз писателей. Потому что *«Мало уметь жить в мире со своими недостатками, надо еще и научиться мириться с чужими достоинствами»*. Но имя города Воронежа на других континентах многим известно благодаря Костенкам, родине прародителей наших, и афоризмам Давидовича.

Созданный им в своей квартире уникальный Музей Афористики похож на жилье то ли бомжа, то ли безумного гения. *«Я человек, и ничто скотское мне не чуждо»*.

Однажды хулиганы в темном переулке хотели его ограбить, но, узнав, что это «тот самый Давидович», отказались искушать провидение. Но это ж он сам рассказывал...

Возможно, правы те, кто называет его мистификатором. Кто еще мог однажды симулировать свою смерть в расцвете творческих сил и известности? Почитатели горевали над газетными некрологами, а потом поражались, увидев его на привычном месте возле «Россиянки» или в троллейбусе. И кто-то наверняка задумывался, как это — жил-жил человек обычной жизнью, получил в СХИ диплом инженера, работал механиком

в совхозе, завучем в школе механизаторов, слесарем, мастером в «Горгазе», и вдруг стал кем-то средним между пророком, городским сумасшедшим и местным Диогеном. Который озвучил столько остроумных премудростей, что удерживать их в памяти не мог, и сам удивлялся, встретив собственный афоризм: это что, я сочинил? Ух, ты!

Как же не мистификатор, если большинство почитателей не знают его настоящего имени. Да и теперь, когда все газеты сообщили о его кончине, один из поклонников Давидовича сказал: надеюсь, это очередной розыгрыш; прозвучали уже три причины его смерти: коронавирус, остановка сердца и онкология. Может, и не розыгрыш — все-таки Давидовичу уже 90 лет, но на всякий случай надо прогуляться по проспекту возле Дома офицеров — вдруг он там стоит и смеется.

Наследников своих и сам мистификатор вряд ли знает — благодаря неизменному посту своему на проспекте Революции. Каковая революция вряд ли обрадовалась бы многим его афоризмам.

Да и с похоронами какие-то странности: сначала объявили, что прощание с Давидовичем состоится в Доме офицеров военного городка в Северном районе. А когда почитатели и официальные лица собрались на мероприятие, пришла новая весть: нет, не в военном городке, а на Средне-Московской.

«Не надо мне некролога — лучше напечатайте на этом месте мои афоризмы».

МОИ ИНТЕРВЬЮ

Художества воронежского дворника

Зачем известный карикатурист стал прибирать с утра свою планету

Ивана Анчукова знают не только во всех редакциях воронежских газет, но и в оргкомитетах конкурсов карикатуристов во многих странах, на которых он становился лауреатом. Теперь его знают и дворники на улице 9 Января.

— Иван, в былые времена советские интеллигенты, особенно из диссидентов, периодически устраивались истопниками в котельные или дворниками. Как бы опускались на социальное дно. Из принципа. И все обсуждали эту достоевщину, принося им подпольную славу. Ты зачем пустился во все тяжкие?

— В дворники я пошел по двум причинам: в очередной раз начал жизнь с нуля, не хватало денег на погашение ипотеки, а еще человеку, много работающему за компьютером, просто необходима физическая нагрузка. Теперь, когда ипотека погашена и я живу в достатке (мне достаточно того, что есть), коллеги шутят, что люди платят за фитнес, а в случае с Анчуковым все наоборот: ему платят.

Мой сын еще в дошкольном возрасте одно время был озабочен будущей профессией. Основным критерием была безопасность. Однажды он остановил свой выбор на профессии дворника и как бы уже начал готовить себя к этому предназначению: собирал все бумажки во дворе дома и относил их в урну.

Можно сказать, что я воплотил в жизнь его мечту. Правда, сыну сейчас 17. Желание стать дворником у него пропало после того, как дедушка сказал ему: «Наступишь на грабли — вот тебе и вся безопасность!».

Кстати, мы потом несколько раз играли с ним в очень странную игру: он называл какую-либо профессию, а я сочинял историю, как человек этой профессии мог погибнуть на рабочем месте.

Знакомый офицер в отставке рассказывал мне, что однажды он начал составлять список работ, на которые согласился бы в качестве подработки. Каждый вариант сопровождался плюсами и минусами. После сравнительного анализа на первое место у него вышел дворник. Основные плюсы — свежий воздух, отсутствие начальства рядом с тобой, свободный график, отпуск исключительно летом. Но один минус, по его мнению, перечеркнул все плюсы: он не мог представить себе, как будет подбирать окурки. Сам он не курит.

— *Так что же, почти все — плюсы, к тому же — «все в семью копейка»?*

— Это миф, что у дворников маленькая зарплата. Я получаю 6500 рублей в месяц. Обслуживаю участок вокруг четырехподъездного дома. В среднем за год я трачу на уборку минут 30–40 в день. Значит, за 8-часовой рабочий день моя зарплата составляла бы 52 тысячи рублей.

Работа эта приносит еще и дополнительный доход: за два года я дважды находил по сторублевой купюре и несколько мелких монет. Причем, если б территории соседних домов убирали так же тщательно, как это делаю я, работы у меня было б гораздо меньше. Но дворники там работают вахтовым методом и не прикладывая особых усилий в надежде, что ветер те же опавшие листья с их участков переместит на мой. А роза ветров именно так сложилась.

Ветер, кстати, для меня злейший враг. При сильном ветре двор может быть просто завален пакетами, пустыми пластиковыми бутылками и прошлогодней листвой. Осенью листья делятся на летчиков и парашютистов — одни, оторвавшись от дерева, покорно осыпаются на землю, а другие охотно пользуются самым легким ветерком для полета с чужих дворов на мою территорию. Есть надежда, что этим летом территорию дома обнесут металлической оградой.

А еще мой дом соседствует с большим магазином «Пятерочка», источником упаковочного мусора. Директор магазина объяснила мне, что у нее договор на уборку территории с какой-то фирмой, по которому эта фирма убирает мусор в 10-метровой зоне вокруг магазина (по нормативам). Но между этой зоной и моей — ничейная полоса метров 15. И ничего мусор на ней не волнует — как и проблема некачественной уборки соседних дворов.

— *Как складываются отношения дворников с жителями и прохожими?*

— В любом доме всегда найдутся добровольные помощники дворника. Есть и у меня такой. Он, к примеру, запретил мне убирать ежедневную пустую чекушку из-под водки и окурки с газона под одним и тем же окном: высчитал разрушителя чистоты, женщину лет пятидесяти, собирает ее мусор и относит под дверь ее квартиры. Более того, нашел ее отца, бывшего милиционера, и заставил его натянуть сетку на окно в квартире дочери. Но окончательно этот источник мусора закрылся, когда я попросил его передать даме, что дворник (я) обещал вставить окурки в замочную скважину в дверь ее квартиры. Шантаж сработал.

Меня уважают женщины, которые разводят цветы на газонах возле дома, за то, что в отличие от моего предшественника, я не посыпаю тротуары солью для облегчения своей работы, и соль не попадает в почву. А

однажды одна женщина угостила меня яблоком и сказала, что каждое утро смотрит в окно и любит мою работу.

— Знакомый фотокор соблазнился моими рассказами о прелестях похода Анчукова в дворники и тоже туда отправился. Но поработал пару месяцев в детском саду и оставил это дело: тяжело. Иван, это тяжело?

— Работать дворником мне нравится, и я даже ни разу не брал отпуск. От других дворников я отличаюсь тем, что когда идет снег, они матерятся, а я радуюсь. Меньше всего работы у дворника зимой, если нет снегопада: зимой убирать приходится только тротуары, а дороги чистит техника. А еще, когда нет снега, достаточно очистить от мусора четыре урны у подъездов. На это у меня уходит ровно 5 минут.

В повести нашего воронежского писателя Ивана Евсеенко есть такой эпизод: в одной тюремной камере сидели крупный чиновник, вор-рецидивист и простой деревенский мужик. В отличие от сокамерников, мужик не мог спокойно сидеть без работы и все время просил охранников дать ему меглу или швабру размяться.

Есть категория жителей, которым запахло отнести пакет с мусором к мусорному баку неподалеку, и они запикивают его в урну возле подъезда. Я планирую на новый год нарисовать на каждый подъезд плакат с поздравлением с Новым годом и пожеланием здоровья жильцам, в особенности тем, у кого его не хватает дойти до мусорного бака.

Я сам курильщик, и бывает, что не попадаю в урну окурком с одного метра. Но когда окурки лежат в 2–3 метрах от урны — это уже совсем другая категория людей.

Тем, кто выбрасывает окурки в окно, советую завести вместо пепельницы баночку с закрывающейся крышкой — запаха от такой пепельницы никакого, и под вашим окном будет чисто.

Если б существовал закон и кары за несоблюдение элементарных правил, я с удовольствием стал бы осведомителем (стукачом) на любителей собак, которые выгуливают их без совка и пакета и оставляют кучи даже на детских площадках. Не могу понять. Это какая-то другая цивилизация.

«У РЕБЯТ ЕСТЬ ЧЕМУ ПОУЧИТЬСЯ»

*Теоретик и практик журналистики —
о проблемах коммуникации с молодым поколением*

Одни воронежцы знают Ларису Дьякову как преподавателя журфака, другие — как теле- и радиоведущую, третьи — как барда, а четвертые вспоминают известную фразу «комсомолка, спортсменка, наконец, она просто красавица», хотя тот фильм — совсем о других временах. Все эти ипостаси объять невозможно. Начнем с первой.

Не надо брюзжать

— Давай обсудим молодежь. Ветераны обычно говорят «не та нынче молодежь пошла», хотя она всегда та, просто меняются времена и нравы, а добро и зло уравниваются в любую эпоху. Когда-то я приходил в редакцию «Воронежского курьера», где жрецы настоящей журналистики творили новейшую историю Вороне-

жа и страны. Они знали классическую и современную литературу, создавали на сценах «Университетские весны», превращаясь в актеров и сценаристов, писали легко и от всей души, и я завидовал многообразию их талантов. А однажды меня поразили директор «Новой газеты» в Воронеже», выходец из «Курьера» Игорь Сидоров: в разговоре кто-то вспомнил строчку Пушкина, и Игорь вдруг начал цитировать «Евгения Онегина»...

Все они красавцы, все они таланты, все они поэты. Сегодня так есть? Или они ушли в совсем иные дебри цивилизации?

— Игорь Сидоров был не просто журналист старой школы, сегодня утраченной, когда в одном человеке было все необходимое для профессии: наблюдательность, любопытство, гражданская позиция, острое перо, а главное, высокая культура и образованность.

В молодежь я не кину даже маленького камешка. Она всегда зеркалит происходящее в стране и обществе. Я общаюсь с лучшими ее представителями, причем трех возрастов.

В Новоусманском лицее веду занятия в клубе юных журналистов (ребята с 6-го по 10-й классы), в Воронежском юридическом техникуме редактирую студенческую газету (подростки 15–18 лет), а на журфаке ВГУ учатся как раз «красавцы, таланты и поэты» от 18 и старше. Так что вижу их во всей красе и не стану брюзжать, что они бездарные, ленивые... что там еще? — меркантильные и трусливые. Да, встречаются и такие, но редко. А в основном — энергичные, креативные, технически подкованные, смелые, амбициозные, и даже романтики среди них есть.

Чувство достоинства

— *Но они теперь точно меньше читают...*

— Да. Но подсунь им книжку — будут читать. Много ошибок делают? А ты их поправь — запомнят, как надо. Они, как губки, все впитывают. И очень не хватает им сталкера, проводника. Мы мало разговариваем с детьми, а они рады бы рассказать о чем-то, для нас не важном и не интересном, а для них очень даже. Как они ждут дня рождения, как всю ночь смотрели фильмы, как играли с друзьями в «Менеджера», как Саша удалил из друзей Катю и Веру в соцсети («дурак какой!»), как сдавали экзамен, как списывали, как репетировали, как у кого-то собака потерялась... Это их жизнь, а мы считаем это пустяками и не хотим об этом разговаривать. И напрасно.

Еще, мне кажется, мы должны не только подтягивать их до своей литературы, кино, театра, увлечений, но и у самих ребят учиться. Помню, студент спросил мое мнение о книге Милана Кундеры «Невыносимая легкость бытия». Она включена в школьную программу, но ему очень не понравилась, и он хотел это обсудить, а я ее не читала. Помчалась в книжный, купила, быстро прочитала (книги я предпочитаю бумажные — в них есть особая прелесть), чтоб быть во всеоружии. Слушаю иногда их музыку, даже некоторые словечки сленговые употребляю, чем привожу ребят в восторг; дистанция между нами сокращается.

Из того прошлого я бы взяла в нашу жизнь веру в социальную справедливость. Она в чем-то была наивной, но тогда юная любовница босса не могла стать его замом или пиар-директором, и кумовство не было таким наглым, как сегодня. Вот молодым и кажется, что идти по головам

ради карьеры, доносит, унижать, грубить — норма. Что раболепие, которое мы стыдливо называем субординацией, — тоже норма. И оно как метастазы проникло всюду. А надо бы пробуждать в них чувство собственного достоинства.

В советские времена было намного больше профессионализма, простоты и человечности. Как и веры, что своими силами, умом и талантом можно многого добиться. Нынешние студенты растеряны, не очень верят в будущее, и многие хотели бы уехать из страны.

Я бы взяла в сегодняшний день то, что тогда в нас воспитывали, — бескорыстие, дружбу. Взяла б уроки литературы, на которых детей не на ЕГЭ натаскивали, а прививали порядочность, учили думать, сопереживать. Русская литература очень этим богата.

Молодежь всегда — та

— *Мы как-то на встрече с выпускниками школы обсуждали литературу, и я заговорил о романе «Прощай, оружие!» — это ж не о войне, а о любви; он просто по возрасту должен их восхитить и остаться с ними навсегда. Оказалось, эти юноши и девушки не только роман этот не читали, но и Хемингуэя не знают.*

— Да, но у них другие кумиры. Читают модный ширпотреб, бестселлеры. Помню, при знакомстве с первокурсниками в группе был студент Татариню. Спрашиваю: «Герой какого произведения носил такую же фамилию?» Тишина. «Вы читали “Два капитана”?» Никто не читал. Я сначала пала духом, а потом говорю: «Как вам повезло, ребята! Вам еще предстоит открыть эту чудесную книгу. Жду от вас через неделю рецензию на нее». Им понравилось! Один с моей легкой руки однажды прочитал «Судьбу барабанщика» Гайдара и до сих пор вспоминает это с благодарностью.

Наш преподаватель зарубежной литературы Юлия Лысякова порой читает вслух отрывки из Бальзака, Гюго, Манна, Хемингуэя, того же Кундера... Ребята увлекаются, им хочется узнать продолжение, и они открывают книгу.

Недавно в студенческой среде стало модно дарить книги. Бумажные! Особым шиком считается написать открытку или письмо и отправить его в конверте по почте. Очень мне мода эта нравится.

Есть у меня ученик Саша Песков. Ему 15 лет, он учится в физико-математическом классе. Так вот, он покупает книги современных драматургов, пишет пьесы, миниатюры, ставит их с одноклассниками на школьной сцене, сочиняет стихи, участвует в конкурсах, поэтических батлах. Вокруг него всегда такая «движуха»! Мальчишка на распутье: ему легко даются и физика с математикой, и литература, куда поступать — на журфак, сценарный факультет, на ПММ, физику? И вот прими решение, когда тебе 15...

— *И телевизор молодежь почти не смотрит...*

— Новости, интервью и документальные фильмы смотрит и читает в интернете, и часть учится быть успешными у какой-нибудь Бузовой и подражает очередной силиконовой содержанке. Школьницы 7-го класса на вопрос, кем они хотят быть, через одну ответили — патологоанатомом. Я чуть не упала! А они объясняют: видели, как девочки в белых халатиках, красивые, с маникюром, макияжем вскрывают трупы в фильмах «След» и «Пес»? И мы хотим.

Студентки-первокурсницы мне признались, что любят «Давай поженимся!». И покраснели: «Вы не подумайте, нам просто смешно, вот и смотрим».

Студенты 3–4 курса журфака смотрят ТВ по необходимости: мы им рекомендуем качественные передачи, фильмы — чтоб учились у профи. А сами они выбирают интервью с известными личностями, юмористические и музыкальные программы. Лучшим журналистом считают Дудя. Большинство никогда не видело «Дом-2» и политические ток-шоу, а самой интересной передачей называет «Мир наизнанку» с Дмитрием Комаровым.

В общем, все не так плохо, как кому-то кажется. И молодежь наша всегда «та» — как были и мы в свое время.

